

Уважаемые читатели!

В этом году исполняется 125 лет со дня рождения замечательного писателя Константина Георгиевича Паустовского.

Константин Георгиевич Паустовский был настоящим художником слова. Благодаря своему таланту он мог перенести читателя в любой уголок красивейшей страны — России. И поистине самые лучшие его произведения — о природе.

В этом библиографическом списке представлена информация о книгах и публикациях в периодических изданиях о жизни и творчестве К. Г. Паустовского, имеющаяся в фонде Центральной библиотеки г. Пущино. Хронологический охват литературы — с 1947 по 2017 гг.

Библиографический список литературы представляет интерес для всех, кто любит литературу и интересуется творчеством Константина Паустовского.

Содержание:

- 1. Коротко о себе (автобиография К. Паустовского).*
- 2. Произведения К. Г. Паустовского.*
- 3. Литература о К. Г. Паустовском.*
- 4. Сценарии мероприятий по творчеству К. Г. Паустовского.*

Коротко о себе (автобиография К. Паустовского)

С детских лет мне хотелось увидеть и испытать все, что только может увидеть и испытать человек. Этого, конечно, не случилось. Наоборот, мне кажется, что жизнь была небогата событиями и прошла слишком быстро.

Но так кажется лишь до тех пор, пока не начнешь вспоминать. Одно воспоминание вытягивает за собой другое, потом третье, четвертое. Возникает непрерывная цепь воспоминаний, и вот оказывается, что жизнь была разнообразнее, чем ты думал.

Прежде чем рассказать вкратце свою биографию, я хочу остановиться на одном своем стремлении. Оно появилось в зрелом возрасте и с каждым годом делается сильнее. Сводится оно к тому, чтобы насколько можно приблизить свое нынешнее душевное состояние к той свежести мыслей и чувств, какая была характерна для дней моей юности.

Я не пытаюсь вернуть молодость - это, конечно, невозможно, - но все же пытаюсь проверять своей молодостью каждый день теперешней жизни.

Молодость для меня существует как судья моих сегодняшних мыслей и дел.

С возрастом, говорят, приходит опыт. Он заключается, очевидно, и в том, чтобы не дать потускнеть и иссякнуть всему ценному, что накопилось за прожитое время.

Родился я в 1892 году в Москве, в Гранатном переулке, в семье железнодорожного статистика. До сих пор Гранатный переулок осеняют, говоря несколько старомодным языком, те же столетние липы, какие я помню еще в детстве.

Отец мой, несмотря на профессию, требовавшую трезвого взгляда на вещи, был неисправимым мечтателем.

Он не выносил никаких тягостей и забот. Поэтому среди родственников за ним установилась слава человека легкомысленного и бесхарактерного, репутация фантазера, который, по словам моей бабушки, "не имел права жениться и заводить детей".

Очевидно, из-за этих своих свойств отец долго не уживался на одном месте. После Москвы он служил в Пскове, в Вильно и, наконец, более или менее прочно осел в Киеве, на Юго-Западной железной дороге.

Отец происходил из запорожских казаков, переселившихся после разгрома Сечи на берега реки Рось около Белой Церкви.

Там жили мой дед - бывший николаевский солдат, и бабушка - турчанка. Дед был кроткий синеглазый старик. Он пел надтреснутым тенором старинные думки и казацкие песни и рассказывал нам много невероятных, а подчас и трогательных историй "из самой что ни на есть происшедшей жизни".

Моя мать - дочь служащего на сахарном заводе - была женщиной властной и неласковой. Всю жизнь она держалась "твердых взглядов", сводившихся преимущественно к задачам воспитания детей.

Неласковость ее была напускная. Мать была убеждена, что только при строгом и суровом обращении с детьми можно вырастить из них "что-нибудь путное".

Семья наша была большая и разнообразная, склонная к занятиям искусством. В семье много пели, играли на рояле, благоговейно любили театр. До сих пор я хожу в театр, как на праздник.

Учился я в Киеве, в классической гимназии. Нашему выпуску повезло: у нас были хорошие учителя так называемых "гуманитарных наук", - русской словесности, истории и психологии. Почти все остальные преподаватели были или чиновниками, или маньяками. Об этом свидетельствуют даже их прозвища:

"Навуходоносор", "Шпюнька", "Маслобой", "Печенег". Но литературу мы знали и любили и, конечно, больше времени тратили на чтение книг, нежели на приготовление уроков.

Со мной училось несколько юношей, ставших потом известными людьми в искусстве. Учился Михаил Булгаков (автор "Дней Турбиных"), драматург Борис Ромашов, режиссер Берсенев, композитор Лятошинский, актер Куза и певец Вертинский.

Лучшим временем - порой безудержных мечтаний, увлечений и бессонных ночей - была киевская весна, ослепительная и нежная весна Украины. Она тонула в росистой сирени, в чуть липкой первой зелени киевских садов, в запахе тополей и розовых свечах старых каштанов.

В такие весны нельзя было не влюбляться в гимназисток с тяжелыми косами и не писать стихов. И я писал их без всякого удержу, по два-три стихотворения в день.

Это были очень нарядные и, конечно, плохие стихи. Но они приучили меня к любви к русскому слову и к мелодичности русского языка.

О политической жизни страны мы кое-что знали. У нас на глазах прошла революция 1905 года, были забастовки, студенческие волнения, митинги, демонстрации, восстание саперного батальона в Киеве, "Потемкин", лейтенант Шмидт, убийство Столыпина в Киевском оперном театре.

В нашей семье, по тогдашнему времени считавшейся передовой и либеральной, много говорили о народе, но подразумевали под ним преимущественно крестьян. О рабочих, о пролетариате говорили редко. В то время при слове "пролетариат" я представлял себе огромные и дымные заводы - Путиловский, Обуховский и Ижорский, - как будто весь русский рабочий класс был собран только в Петербурге и именно на этих заводах.

Когда я был в шестом классе, семья наша распалась, и с тех пор я сам должен был зарабатывать себе на жизнь и ученье. Перебивался я довольно тяжелым трудом, так называемым репетиторством.

В последнем классе гимназии я написал первый рассказ и напечатал его в киевском литературном журнале "Огни". Это было, насколько я помню, в 1911 году.

С тех пор решение стать писателем завладело мной так крепко, что я начал подчинять свою жизнь этой единственной цели.

В 1912 году я окончил гимназию, два года пробыл в Киевском университете и работал и зиму и лето все тем же репетитором, вернее, домашним учителем.

К тому времени я уже довольно много поездил по стране (у отца были бесплатные железнодорожные билеты). Я был в Польше (в Варшаве, Вильно и Белостоке), в Крыму, на Кавказе, в Брянских лесах, в Одессе, в Полесье и Москве. Туда после смерти отца переехала моя мать и жила там с моим братом - студентом университета Шанявского. В Киеве я остался один.

В 1914 году я перевелся в Московский университет и переехал в Москву.

Началась первая мировая война. Меня как младшего сына в семье в армию по тогдашним законам не взяли.

Шла война, и невозможно было сидеть на скучноватых университетских лекциях. Я томился в унылой московской квартире и рвался наружу, в гуцу той жизни, которую я только чувствовал рядом, около себя, но еще так мало знал.

Я пристрастился в то время к московским трактирам. Там за пять копеек можно было заказать "пару чая" и сидеть весь день в людском гомоне, звоне чашек и бряцающем грохоте "машины" - оркестриона. Почему-то почти все "машины" в трактирах играли одно и

то же: "Шумел-горел пожар московский" или "Ах, зачем эта ночь так была хороша".

Трактиры были народными сборищами. Кого только я там не встречал! Извозчиков, юродивых, крестьян из Подмосковья, рабочих с Пресни и из Симоновой слободы, толстовцев, молочниц, цыган, белошвеек, ремесленников, студентов, проституток и бородатых солдат - "ополченцев". И каких только говорюв я не наслушался, жадно запоминая каждое меткое слово.

Тогда у меня уже созрело решение оставить на время писание туманных своих рассказов и "уйти в жизнь", чтобы "все знать, все почувствовать и все понять". Без этого жизненного опыта пути к писательству были наглухо закрыты, - это я понимал хорошо.

Я воспользовался первой же возможностью вырваться из скудного своего домашнего обихода и поступил вожатым на московский трамвай. Но продержался я в вожатых недолго - вскоре меня разжаловали в кондукторы за то, что я разбил автомобиль с молоком знаменитой в то время молочной фирмы Бландова. Поздней осенью 1914 года в Москве начали формировать несколько тыловых санитарных поездов. Я ушел с трамвая и поступил санитаром на один из этих поездов.

Мы брали раненых в Москве и развозили их по глубоким тыловым городам. Тогда я впервые узнал и всем сердцем и навсегда полюбил среднюю полосу России с ее низкими и, как тогда мне казалось, сиротливыми, но милыми небесами, с молочным дымком деревень, ленивым колокольным звоном, поземками и скрипом розвальней, мелколесьем и унавоженными городами Ярославлем, Нижним Новгородом, Арзамасом, Тамбовом, Симбирском и Самарой.

Все санитары на поезде были студенты, а сестры - курсистки. Жили мы дружно и работали много.

Во время работы на санитарном поезде я слышал от раненых множество замечательных рассказов и разговоров по всяческим поводам. Простая запись всего этого составила бы несколько томов. Но записывать у меня не было времени. Поэтому я с легкой завистью читал потом превосходную книгу Софьи Федорченко "Народ на войне" - дословную запись солдатских разговоров.

Книга эта прогремела по России. Она была сильна как своей правдивостью, так и тем, что в ней уже слышался (в словах солдат) еще отдаленный, но явственный гром приближающейся революции.

В 1915 году всю нашу студенческую команду перевели с тылового поезда на полевой. Теперь мы брали раненых вблизи места боев, в Польше и Галиции, и отвозили их в Гомель и Киев.

Осенью 1915 года я перешел с поезда в полевой санитарный отряд и прошел с ним длинный путь отступления от Люблина в Польше до городка Несвижа в Белоруссии.

В отряде из попавшегося мне засаленного обрывка газеты я узнал, что в один и тот же день были убиты на разных фронтах два мои брата. Я остался у матери совершенно один, кроме полуслепой и больной моей сестры.

Я вернулся к матери, но долго не мог высидеть в Москве и снова начал свою скитальческую жизнь. Я уехал в Екатеринослав и работал там на металлургическом Брянском заводе, потом перекочевал в Юзовку на Новороссийский завод, а оттуда в Таганрог на котельный завод Нев-Вильдэ. Осенью ушел с котельного завода в рыбацью артель на Азовском море.

В свободное время я начал писать в Таганроге свою первую повесть "Романтики". Писал ее долго, несколько лет. Вышла в свет она значительно позже - в тридцатых годах в Москве.

Февральская революция застала меня в глухом городке Ефремове, бывшей Тульской губернии.

Я тотчас уехал в Москву, где уже шли и день и ночь шумные митинги на всех перекрестках, но главным образом около памятников Пушкину и Скобелеву.

Я начал работать репортером в газетах, не спал и не ел, носился по митингам и впервые познакомился с двумя писателями - другом Чехова стариком Гиляровским, "Дядей Гиляем", и начинающим писателем-волгарем Александром Степановичем Яковлевым.

Судорожная жизнь газетных редакций совершенно захватила меня, а беспокойное и шумное племя журналистов казалось мне наилучшей средой для писателя.

После Октябрьской революции и переезда Советского правительства в Москву я часто бывал на заседаниях ЦИКа (в "Метрополе", в "зале с фонтаном"), несколько раз слышал Ленина, был свидетелем всех событий в Москве в то небывалое, молодое и бурное время.

Потом опять скитания по югу страны, снова Киев, служба в Красной Армии в караульном полку, бои со всякими отпетыми атаманами - Зеленым, Струком, Червоным ангелом и "Таращанскими хлопцами".

Киев в то время часто осаждали. Вокруг города почти непрерывно гремела канонада, и население толком даже не знало, кто пытается захватить город - петлюровцы, Струк или денкиинцы.

Из Киева я уехал в Одессу, начал работать там в газете "Моряк" пожалуй, самой оригинальной из всех тогдашних советских газет. Она печаталась на обороте разноцветных листов от чайных бандеролей и помещала множество морского материала - от стихов французского поэта и матроса Тристиана Корбьера до первых рассказов Катаева.

Была блокада. Море было пустынно, но, как всегда, прекрасно. В редакции работало около семидесяти

сотрудников, но никто из них не получал ни копейки гонорара. Платили то дюжиной перламутровых пуговиц, то синькой, то пачкой черного кубанского табака. Время было голодное и веселое.

В Одессе я впервые попал в среду молодых писателей. Среди сотрудников "Моряка" были Катаев, Ильф, Багрицкий, Шенгели, Лев Славин, Бабель, Андрей Соболев, Семен Кирсанов и даже престарелый писатель Юшкевич. Мы смотрели на него, как на реликвию.

В Одессе я жил в полуразрушенной дворницкой на Ланжероне, у самого моря, и много писал, но еще не печатался. Вернее, не позволял себе печататься, считая, что еще не добился умения овладевать любым материалом и жанром. Эту способность я считал в то время главным признаком писательской зрелости.

Вскоре мною снова овладела "муза дальних странствий". Я уехал из Одессы, жил в Сухуми - тогда еще очень провинциальном городке, в Батуми с его тяжелыми теплыми ливнями, в Тбилиси, был в Эривани, Баку и Джульфе, пока, наконец, не вернулся в Москву.

Несколько лет я работал в Москве редактором РОСТА и уже начал время от времени печататься. Первой моей книгой был сборник рассказов "Встречные корабли".

Летом 1932 года я задумал написать книгу об уничтожении пустынь, объехал все берега Каспийского моря и, возвратившись, написал повесть "Кара-Бугаз". Писал я ее не в Москве, а в Березниках, на Северном Урале, куда был послан корреспондентом РОСТА.

После выхода в свет "Кара-Бугаза" я оставил службу, и с тех пор писательство стало моей единственной всепоглощающей, порой мучительной, но всегда прекрасной и любимой работой.

Примерно в это время я "открыл" для себя под самой Москвой неведомую и заповедную землю - Мещеру.

Открыл я ее случайно, рассматривая клочок карты, - в него мне завернули в соседнем гастрономе пачку чая.

На этой карте было все, что привлекало меня еще с детства, - глухие леса, озера, извилистые лесные реки, заброшенные дороги и даже постоялые дворы.

Я в тот же год поехал в Мещеру, и с тех пор этот край стал второй моей родиной. Там до конца я понял, что значит любовь к своей земле, к каждой заросшей гусиной травой колее дороги, к каждой старой ветле, к каждой чистой лужице, где отражается прозрачный серп месяца, к каждому пересвисту птицы в лесной тишине.

*Ничто
так не
обогастило
меня, как
этот
скромный и
тихий край.
Там впервые я
понял, что
образность и*

волшебность (по словам Тургенева) русского языка неуловимым образом связаны с природой, с бормотаньем родников, криком журавлиных стай, с угасающими закатами, отдаленной песней девушек в лугах и тянущим издали дымком от костра.

Мещера постепенно стала любимым приютом нескольких писателей. Там жил Фраерман и часто бывали Гайдар, Роскин, Андрей Платонов.

В Мещере я сдружился с Гайдаром - с этим удивительным человеком, существовавшим в повседневной действительности так же необыкновенно и душевно, как и в своих книгах.

Мещере я обязан многими своими рассказами, "Летними днями" и маленькой повестью "Мещерская сторона".

Почти каждая моя книга - это поездка. Или, вернее, каждая поездка это книга.

После поездки в Поти я написал "Колхиду", после изучения берегов Черноморья - "Черное море", после жизни в Карелии и в Петрозаводске "Судьбу Шарля Лонсевиля" и "Озерный фронт".

Свою любовь к Ленинграду я выразил в какой-то мере в "Северной повести" и во многих других вещах.

Ездил я по-прежнему много, даже больше, чем раньше. За годы своей писательской жизни я был на Кольском полуострове, изъездил Кавказ и Украину, Волгу, Каму, Дон, Днепр, Оку и Десну, Ладожское и Онежское озера, был в Средней Азии, на Алтае, в Сибири, на чудесном нашем северо-западе в Пскове, Новгороде, Витебске, в пушкинском Михайловском, в Эстонии, Латвии, Литве, Белоруссии. Во время Великой Отечественной войны я был военным корреспондентом на Южном фронте и тоже изъездил множество мест.

У каждого писателя своя

манера жить и писать. Что касается меня, то для плодотворной работы мне нужны две вещи: поездки по стране и сосредоточенность.

Написал я за свою жизнь как будто много, но меня не покидает ощущение, что все написанное только начало, а вся настоящая работа еще впереди. Это довольно нереальная мысль, если принять во внимание мой возраст.

Жизнь всегда кажется мне смертельно интересной во всех своих аспектах. Этим, очевидно, и объясняется, что я с одинаковой охотой обращаюсь к самым разнообразным темам и жанрам - к рассказу, повести, роману, сказке, биографической повести, краеведческому очерку, к пьесе, статьям и сценариям.

Несколько особняком стоит моя работа над автобиографическим циклом "Повесть о жизни". Первая книга этого цикла - "Далекие годы" - вышла в 1947 году. Сейчас уже вышло шесть книг: "Далекие годы",

*"Беспокойная юность",
"Начало неведомого века",
"Время больших ожиданий",
"Бросок на юг" и "Книга скитаний". Мне предстоит написать еще две книги, чтобы довести действие этого цикла до наших дней.*

В послевоенные годы я много ездил по Западу - был в Польше, Чехословакии, Болгарии, Турции, Италии, - жил на острове Капри, в Турине, Риме, в Париже и на юге Франции - в Авиньоне и Арле. Был в Англии, Бельгии - в Брюсселе и Стенде, - Голландии, Швеции и мимоходом еще в других странах.

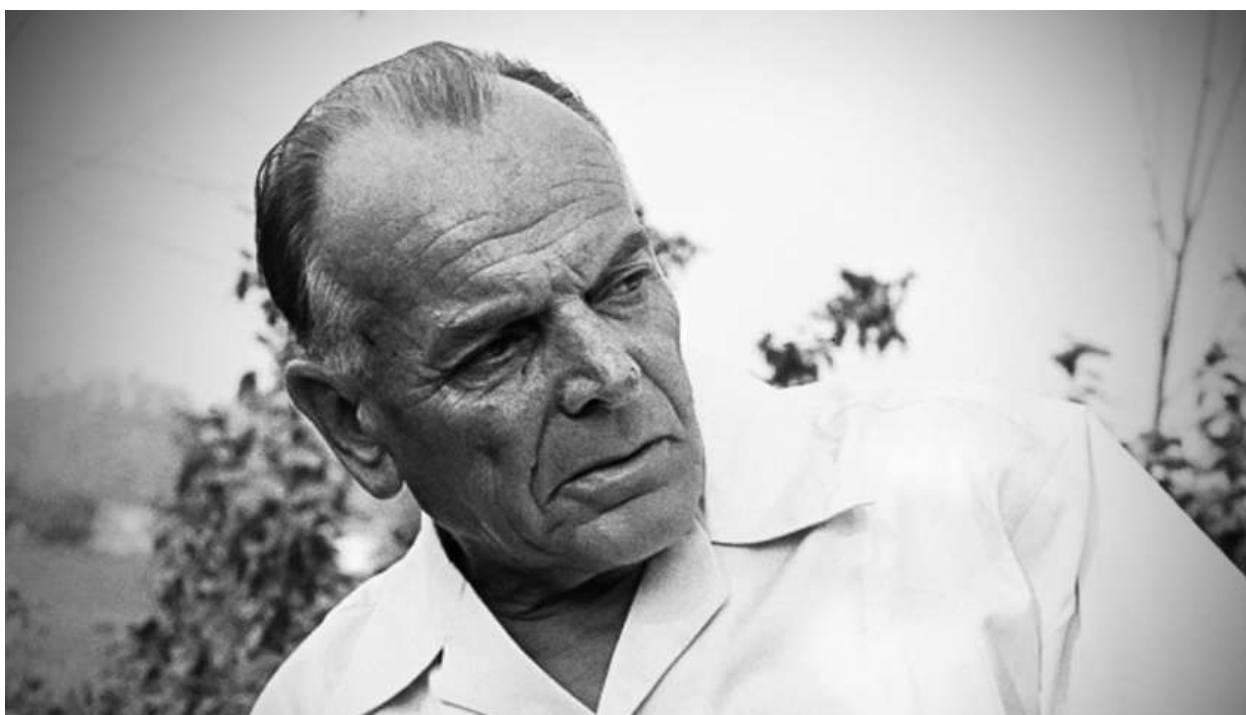
Вот очень короткий отчет о моей жизни. Более полный отчет будет дан в том автобиографическом цикле, о котором я только что упомянул.

Мы часто обращаемся внутренним своим взором к Пушкину. Он вместил все, чем живет человек, в пределы своей блистательной поэзии. Заканчивая этот короткий очерк своей жизни, я хочу напомнить и себе и другим

писателям тот пушкинский великий закон мастерства, следование которому навеки соединяет сердце писателя с сердцем его народа. Закон этот прост. Пушкин сказал:

*... Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

К. Паустовский

Март 1966 года

Источник: <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/bio/avtobiografiya-1966.htm>

Этот тихий уголок московский,
Парк кузьминский, деревянный дом...
Здесь не жил писатель Паустовский,
Что же все вокруг поет о нем?
Почему среди замшелых буден,
Одурев от бесконечных бед,
К дому этому стремятся люди,
Словно бабочки из тьмы на свет?
И не с любопытством ротозеев,
А с надеждой, робкой как птенец,
К истинно народному музею
Мы идем, изверившись вконец.
Чтобы душу отогреть с мороза
И живого слова зачерпнуть,
Чтоб сквозь грозы Золотая Роза
Каждому высвечивала путь.
Этот тихий уголок московский,
Парк кузьминский, деревянный дом...
Здесь живет писатель Паустовский -
Приходите к чаю вечерком.

Татьяна Мельникова

2. ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

1. Паустовский, Константин Георгиевич. Собрание сочинений : в 8 т. / Константин Георгиевич Паустовский. - М. : Худож. лит., 1967 - 1970

Т. 1 : Романтик. Блестающие облака : романы. Кара-Бугаз. Колхида: Повести. - 1967. - 631 с.

Т. 2 : Дым Отечества : роман. Черное море. Северная повесть: Повести. - 1967. - 559 с.

Т. 3 : Повесть о лесах. Героический юго-восток. Золотая роза: Повести. - 1967. - 527 с.

Т. 4 : Повесть о жизни: Далекие годы. Беспокойная юность. Начало неведомого века. - 1968. - 711 с

Т. 5 : Повесть о жизни : время больших ожиданий. Бросок на юг. Книга скитаний. - 1968. - 576 с.

Т. 6 : Маленькие повести. Рассказы 1922-1940. - 1969. - 559 с.

Т. 7 : Пьесы. Рассказы. Сказки 1941-1966. - 1969. - 607 с.

Т. 8 : Литературные портреты. Очерки. Заметки. - 1969. - 448 с.

2. Паустовский, Константин Георгиевич. Собрание сочинений : в 9 т. / Константин Георгиевич Паустовский ; вступит. ст. Г. Трефиловой ; авт. примеч. Л. Левицкий. - М. : Худож. лит., 1981 – 1983

Т. 1 : Романтики. Блестающие облака. Кара-Бугаз. Колхида / К. Г. Паустовский. - 1981. - 623 с

Т. 2 : Черное море. Северная повесть. Дым Отечества. Героический юго-восток. - 1981. - 615 с.

Т. 3 : Повесть о лесах. Золотая роза. Маленькие повести / К. Г. Паустовский. - 1982. - 687 с.

Т. 4 : Кн. 1-3 : Повесть о жизни. - 1982. - 734 с.

Т. 5 : Кн. 4-6 : Повесть о жизни. - 1982. - 591 с.

Т. 6 : Рассказы. - 1983. - 623 с.

Т. 7 : Сказки, очерки, литературные портреты. - 1983. - 575 с.

3. Паустовский, Константин Георгиевич. Во глубине России: повести и рассказы / К. Г. Паустовский. - М. : Моск. рабочий, 1982. - 286 с.

4. Паустовский, Константин Георгиевич. Заботливый цветок / К. Г. Паустовский ; худ. Т. Васильева. - М. : Малыш, 1982. - 12 с.

5. Паустовский, Константин Георгиевич. Заячьи лапы: рассказы и сказки : [для среднего школьного возраста] / К. Г. Паустовский ; худож. Г. Епишин. - Москва : Детская литература, 2010. - 189 с. : ил. - (Школьная библиотека).

6. Паустовский, Константин Георгиевич. Золотая роза : избранное / К. Г. Паустовский. - М. : Эксмо, 2003. - 510 с. : портр., фото. - (Русская классика XX век).

7. Паустовский, Константин Георгиевич. Золотой линь : рассказы / К. Г. Паустовский ; худ.: М. Алексеев, Н. Строганова. - М. : Сов. Россия, 1979. - 94 с.

8. Паустовский, Константин Георгиевич. Кара-Бугаз. Колхида. Мещорская сторона : повести / К. Г. Паустовский. - М. :

Известия, 1969. - 288 с. : ил. - (50 лет советского романа).

9. Паустовский, Константин Георгиевич. Квакша : рассказ / К. Г. Паустовский ; худ. В. Гальдяев. - М. : Малыш, 1976. - 18 с.

10. Паустовский, Константин Георгиевич. Кипренский : из повести Орест Кипренский / Константин Георгиевич Паустовский. - М. : Дет. лит., 1985. - 59 с.

11. Паустовский, Константин. Корзина с еловыми шишками : рассказ / К. Паустовский // Чудеса и приключения. - 2012. - № 10. - С. 104 – 109

12. Паустовский, Константин Георгиевич. Кот-ворюга / К. Г. Паустовский ; худ. В. Горячева. - М. : Дет. лит., 1986. - 32 с.

13. Паустовский, Константин Георгиевич. Лавровый венок / Константин Георгиевич Паустовский. - М. : Мол. гвардия, 1985. - 478 с.

14. Паустовский, Константин. Летний бриз : из архива "Смена", 1944 год, № 11-12 / Константин Паустовский ; ил. Елены Шагиевой // Смена. - 2010. - № 5. - С. 76 - 79.

15. Паустовский, Константин. Михаил Пришвин / К. Паустовский // Отечественные записки. - 2013. - № 2 (31 января). - С. 8 – 9.

16. Паустовский, Константин Георгиевич. Михайловские рощи : повести и рассказы / К. Г. Паустовский. - Ярославль : Верхне-Волжское кн. издательство, 1982. - 272 с.

17. Паустовский, Константин Георгиевич. Повести / худож. Е. Мешков. - М. : Дет. лит., 1989. - 512 с. : ил.

18. Паустовский, Константин Георгиевич. Повесть о лесах / К. Г. Паустовский ; худ. С. Бордюг. - М. : Дет. лит., 1982. - 174 с.

19. Паустовский, Константин Георгиевич. Подарок : рассказы : [для мл. шк. возр.] / К. Г. Паустовский ; худ. В. Юдин. - М. : Малыш, 1983. - 72 с.

20. Паустовский, Константин Георгиевич. Прощание с летом / К. Г. Паустовский ; худ. В. Костицин. - М. : Малыш, 1988. - 6 с.

21. Паустовский, Константин Георгиевич. Растрепанный воробей : сказки / К. Г. Паустовский ; худ. В. Цыгаль. - М. : Дет. лит., 1986. - 48 с.

22. Паустовский, Константин Георгиевич. Родина : рассказы, очерки и публицистика / Константин Георгиевич Паустовский. - М. : Современник, 1972. - 240 с.

23. Паустовский, Константин. Снег : рассказ / К. Паустовский // Смена. - 2011. - № 12. - С. 27 – 33.

24. Паустовский, Константин Георгиевич. Созвездие гончих псов : повести и рассказы / сост. Г. А. Арбузова. - Л. : Лениздат, 1987. - 288 с. - (Школьная библиотека).

25. Паустовский, Константин Георгиевич. Стальное колечко / К. Г. Паустовский ; худ. В. Гальдяев. - М. : Малыш, 1975. - 25 с. : ил.

26. Паустовский, Константин Георгиевич. Судьба Шарля Лонсевиля / К. Г. Паустовский. - Петрозаводск : Карелия, 2003. - 126 с.

27. Паустовский, Константин Георгиевич. Тёплый хлеб : рассказ / К. Г. Паустовский ; худ. Т. П. Капустина. - Л. : Художник РСФСР, 1985. - 16 с.

3. ЛИТЕРАТУРА О К. Г. ПАУСТОВСКОМ

28. Белогорцева, Евгения. Мастер словесной палитры : [о писателе К. Г. Паустовском] / Е. Белогорцева // Смена. - 2013. - № 10. - С. 4 – 11.

29. Вяткин, Лев. Мы - потомки Пушкина : [воспоминания о Константине Георгиевиче Паустовском] / Л. Вяткин // Природа и человек. XXI век. - 2013. - № 7. - С. 62 – 66.

30. Головкин, Николай Алексеевич. "Мы - потомки Пушкина...": [по местам, связанным с жизнью и творчеством Константина Паустовского] / Н. А. Головкин // Природа и человек. XXI век. - 2015. - № 7. - С. 70 – 72.

31. Дормидонтова, Анжелика Игоревна. Окно в мир Паустовского : [беседа с дир. Моск. лит. музея - центра К.Г. Паустовского А.И. Дормидонтовой] / А.И. Дормидонтова ; беседовала Дарья Бобылёва // Октябрь. - 2017. - № 5. - С. 177 - 185.

32. Ивич, Александр. Природа, дети. Пришвин. Паустовский. Дубов. Панова / А. Ивич. - М. : Детская литература, 1980. - 222 с.

33. Киреев, Руслан. Пятьдесят лет в раю : [Паустовский в Тарусе] / Руслан Киреев // Знамя. - 2006. - № 3.

34. Корнеева, Светлана. С корзиной за еловыми шишками : [40 лет назад не стало Константина Паустовского (1892 - 1968)] / Светлана Корнеева // Отечество. - 2008. - № 10. - С. 28 – 31.

- 35. Корнилова, Галина.** Гражданин Паустовский / Г. Корнилова // Знамя. - 2017. - № 5. - С. 187 - 189.
- 36. Корнилова, Галина.** Польская бабушка русского писателя / Галина Корнилова // Новая Польша. - 2005. - № 2. - С. 65-67.
- 37. Кузнецова, Мария.** По законам иной красоты : судьба объекта культурного наследия, где жил и творил Паустовский, под вопросом / М. Кузнецова // Ежедневные новости. Подмосковье. - 2014. - № 82 (12 мая). - С. 5.
- 38. Левицкий, Л.** Голос Паустовского /Л. Левицкий // Вопросы литературы. – 2004. - № 2. – С. 292 – 323.
- 39. Максимов, Владимир.** Из истории фамилий: [история происхождения фамилии Паустовский] / В. Максимов // Наука и жизнь. - 2014. - № 5. - С. 96 – 97.
- 40. Никологорская, Т.** Тропую Паустовского : [о музее писателя в Кузьминках] / Т. Никологорская // Отечество. - 2006. - № 10. - С. 17 – 19.
- 41. Осетинский, Олег Евгеньевич.** Я никому ничего не должен? : [о писателе К. Паустовском и актрисе Марлен Дитрих] / Олег Евгеньевич Осетинский // Русский Дом. - 2007. - № 9. - С. 43.
- 42. Панченков, Валерий.** "Вокруг лес, снега, тишина..." : пушкино в жизни и творчестве К. Г. Паустовского / В. Панченков // Подмосковный летописец. - 2012. - № 2. - С. 46 – 53.
- 43. Петров, Владимир.** "Петухи да гуси в русском Барбизоне" : Паустовский в Тарусе / В. Петров // Отечество. - 2012. - № 9. - С. 23 – 26.

44. Сидоров, Василий. Две легенды : [о встрече Марлен Дитрих и Константина Паустовского] / В. Сидоров // Будь здоров!. - 2012. - № 11. - С. 84 – 85.

45. Скороходов, Максим. Жизнь во всей полноте : творчество Константина Паустовского созвучно и русской, и украинской культуре / М. Скороходов // Литературная газета. - 2017. - № 21 (31 мая - 6 июня). - С. 8.

46. Супруненко, П. П. Предостережение... : [вспоминая К. Паустовского] / П. П. Супруненко // Природа и человек. XXI век. - 2009. - № 7. - С. 70 – 72.

47. Трефилова, Г. П. К. Паустовский - мастер прозы / Г. П. Трефилова. - М. : Худож. лит., 1983. - 127 с.

48. Штокман, И. «...Давно пора мне мир увидеть новый...» Константин Паустовский: «Разливы рек» – историческая правда и художественный мир новеллы / И. Штокман // Вопросы литературы. – 2009. - № 1. – С. 271 - 284.

4. СЦЕНАРИИ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ТВОРЧЕСТВУ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

49. Андреева М. С. Инсценировка по рассказам К. Г. Паустовского "Подарок" и "Сивый мерин" / М. С. Андреева, М. П. Короткова // Читаем, учимся, играем. - 2002. - № 1. - С. 55 - 56.

50. Андреева, М. Кафе журналистов в Столешниках : материал для литературной гостиной по повести К. Г. Паустовского "В начале неведомого века" ("Повесть о жизни") / М. С. Андреева, М. П. Короткова // Библиотека в школе. - 2007. - № 15 (авг.). - С. 18 - 29.

51. Андреева, М. С. Неведомая и заповедная Земля : [литературный праздник для учащихся 3-5 классов, посвященный творчеству К. Г. Паустовского] / М. С.

Андреева, М. П. Короткова // Читаем, учимся, играем. - 2002. - № 1. - С. 50 - 54.

52. Буячева, О. Ю. Растрепанный воробей : [литературно-музыкальный утренник по мотивам одноименной сказки К. Г. Паустовского для детей старшего школьного возраста] / О. Ю. Буячева // Читаем, учимся, играем. - 2002. - № 1. - С. 57 - 60.

53. Кулакова, Елена Юрьевна. "В каждом сердце есть струна" : [сцен. литературного мероприятия к 125 - летию К.Д. Паустовского] / Е. Ю. Кулакова // Читаем, учимся, играем. - 2017. - №2. - С. 52 - 55.

54. Макарова, Белла Александровна. "Не то, что мните вы, природа..." : лит. - муз. композиция по творчеству М. Пришвина, В. Бианки, К. Паустовского для уч-ся 5-9 кл. / Б. А. Макарова // Читаем, учимся, играем. - 2012. - № 6. - С. 20 – 27.

55. Семяновская, Алла Петровна. Утренник, посвященный Константину Георгиевичу Паустовскому / А. П. Семяновская // Школьная библиотека. - 2011. - № 8. - С. 85 – 91.

